

РОССИЯ ОБРЕТЕННАЯ И УТРАЧЕННАЯ

Мануэль Саркисянц

За последние несколько лет внешняя политика России стала более определенной. Возврат в «сообщество западных стран» — как держава среди других держав — происходит сегодня на основе Равенства (как сказал Джордж Оруэлл, «некоторые более равны, чем остальные...»).

Запад неодинаков. Существует и Запад, который предпочел бы видеть Россию постиндустриальной, — это формирующаяся Америка индейцев — например, та часть Мексики, где преобладают майя (и где живу я). Этот индейский Запад — в отличие от Англо-Америки — сегодня реагирует на продвижение капитализма так, как некогда реагировала лесная, «спящая» Россия крестьян на атаку «железного» Запада, на его «неумолимое продвижение» (согласно определению Николая Клюева).

Англо-Америка хотела бы видеть Россию со свободным рынком и в форме президентской республики (что было бы ближе российским традициям, чем парламентаризм, обычный для Западной Европы). Россию как конфедерацию предпочли бы те, кого можно назвать интеллигенцией «Запада», — те, кто серьезно относится к самоопределению наций (не исключая чеченцев), понятию, чуждому французской модели постнаполеоновских «новых государств», государств-наций — при которой не может быть больше одной нации в рамках одного государства. Даже (или именно) в Северо-Американской Федерации Советский Союз рассматривался как земля «русских» — нерусских считали «меньшинствами» (здесь даже поднимался вопрос о том, был ли армянский язык... «русским диалектом»).

Не федерализм, а централизм французского типа становится нормой даже для англо-американской идентификации государства и нации. Но еще меньше, чем полиэтнические образования, Англо-Америка склонна принимать госсектор в экономике — это наследие мексиканской революции, забытое на ее родине, но возрождающееся в других странах Американского континента, таких как Венесуэла и Боливия.

Не существует общего «западного» представления о «русском вопросе» — не существует даже единого французского или немецкого представления (не говоря уже о традиционно антирусской польской, финской, венгерской, даже шведской концепции «русских»). Если сталинизму удалось превратить в негативное традиционно положительное отношение к русским со стороны чехов (и даже болгар), то вдохновленная Австрией патологическая ненависть к России, свойственная гитлеровской Германии, после холодной войны уступила в этой стране место прагматической, рациональной склонности к экономическому сотрудничеству с Россией, которая уравнивала бы зависимость Европы от США. **Что не возродилось в Германии, так это прусские «русофильские» тенденции** (некогда нечуждые части немецких крайних националистов они достигли кульминации в культе Достоевского в среде немецкой интеллигенции в 1920-х годах).

Что касается всех возможных наднациональных объединений, то, с одной стороны, существует новозаветное видение универсального объединения человечества, а с другой стороны — ветхозаветное наследие и кальвинистские представления об объединении избранных. И то и другое представление имеют в качестве предпосылки преобладание ра-

Мануэль Саркисянц — известный историк и социолог, исследователь религиозных истоков народнического социализма России, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии. Докторская диссертация ученого «Россия и мессианизм Востока» впервые вышла на немецком языке в далеком 1955 году, получив признание выдающегося русского социолога Питирима Сорокина (предисловие которого открывало книгу). Русский перевод первой части его книги появился в 2005 году в издательстве Санкт-Петербургского университета под названием «Россия и мессианизм». Вторая, не переведенная на русский язык, часть исследования посвящена революционным исканиям в исламе и буддизме. Эта книга, появление которой по идеологическим причинам оказалось невозможным в

Соединенных Штатах. Три другие книги ученого 1980—1990-х годов были посвящены революционной традиции Южной Америки — Мексики и Боливии.

В Германии Саркисянц прочитал нашумевший курс лекций о британских корнях национал-социализма. Под названием «Английские корни немецкого фашизма» они были переведены на русский язык и опубликованы в Петербурге в 2003 году. Книга так и не была опубликована в Англии, увидев свет на английском языке лишь в Индии и Ирландии. Саркисянц, почетный профессор истории и социологии Гейдельбергского университета (Германия), большую часть года проживает в Мексике, где он продолжает заниматься историей русского народнического социализма.

зума и морали. А оно пришло в упадок с тех пор, как в политической науке на смену вильсоновскому политическому морализму пришел реализм в духе Ханса Моргентау, а домарксистский морализм русских революционеров (от Керенского до Исаака Штейнберга*) уступил дорогу ленинскому принципу, гласящему, что «в политике нет морали, только преимущество выгоды» (подобный утилитаризм вождь большевиков разделял со своими капиталистическими соперниками).

И все же население Соединенных Штатов — в отличие от большинства людей, живущих в Центральной Европе, — не утратило способности отличать хорошее от плохого; в том случае, и если они верно информированы, они принимают сторону неудачника.

Но прошло время, когда — в 1876 году — русские революционеры в царских тюрьмах поднимали звездный американский флаг во имя «воздуха свободы», которым повеяло из Соединенных Штатов в 1776-м. Прошло и

наковой, молится человек богу или собственности». Их успокаивают сегодняшние русские, внешняя политика которых нацелена на приобретение добра, — но не на служение Добру (как то было в России 1917-го), — и для которых восстановилась Церковь, а не юродивое правдоискательство (для обозначения которого в английском языке не существует надлежащего понятия).

Именно на этом (скромном) уровне представление России о самой себе ближе всего подходит представлению «Запада» о самом себе. России, которая не вписывалась бы в нормальность «западных» критериев, в нормаль-

Исламские представления о России зависят от США — ее главного конкурента, который продолжает поддерживать агрессивность современного Израиля. Тенденция такова, что для Китая с геополитической точки зрения территория России становится целью демографической экспансии — таким нациям, как киргизы (или даже казахи), пора готовиться к судьбе уйгуров. Позитивным остается отношение к России со стороны Индии. Политически — через американские ассоциации Пакистана. Культурно — не без влияния того факта, что Толстой вдохновлял Ганди и даже Субхаш Чандра Бос предпочитал Советский Союз японским союзникам.

Что касается выгод «частичной десоверенизации», то их наличие предполагает, что ослабление суверенитета происходит совместно и взаимно. Рассчитывая на взаимность, идешь против исторического опыта. Обоюдной бывает реакция на агрессию, не на шаги к миру. И если произойдет «десоверенизация» России, то ее последствия, конечно, окажутся похожими на то, ка последствия распада Варшавского договора отразились на НАТО. Для примирения требуются инициативы с обеих сторон, для конфронтации — достаточно одной. ■

Специально для «Ярославской инициативы»

*Штейнберг представлял левых социалистов-революционеров — «террористов», однако не санкционировал ни одной политической казни, когда при Ленине занимал должность комиссара юстиции (в 1918 году).

России, которая не вписывалась бы в нормальность «западных» критериев, в нормальность «погони за счастьем» и «избегания боли», больше не существует

то время (менее отдаленное), когда казалось — в Германии 1920-х годов, — что изоляция Советской России от Европы подрывала Запад, лишая ее связи с русской духовностью. Ничего из этого не ощущается сегодня, после того как сталинские русские смогли так догнать и превзойти Америку, что спустя семь десятилетий под властью марксизма Россия стала более капиталистической, чем когда-либо прежде. И «Запад» более уже не испытывает страха перед этой карикатурой сталинизма на самого себя. Поскольку они верят в унаследованное от Джона Локка утверждение, что «человеческая природа остается оди-

ность «погони за счастьем» и «избегания боли», больше не существует. Уже нет более ее первых революционеров, захваченных высоким стандартом Ухода из жизни, более чем нормальностью высоких стандартов жизни. С тех пор как История исполнила предсказание Александра Герцена — «пролетарии всех стран — средний класс будущего», — «русская проблема» оказалась сведена к проблеме сильного среди сильных. В Европе никогда не было «британской» или «французской проблемы», только — «немецкая проблема» и «японская проблема», а теперь в мире на смену прежней «русской проблеме» приходит «проблема исламская».